

В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

С.Ю. МАЛЫШЕВА

ДОСУГОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА: КАЗАНЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.*

Во второй половине XIX — начале XX вв. в России процессы урбанизации, складывания потребительского общества, массовой культуры и рынка развлечений вели к разграничению сфер труда и отдыха горожанина, к расширению последней (за счет нормирования и сокращения рабочего дня, введения календаря праздничных и нерабочих дней) и ее качественному изменению. Сфера досуга горожанина быстро развивалась, предлагая все больше разнообразных форм отдыха, раздвигая границы дозволенного и одобряемого как для отдельного индивида, так и для различных социальных групп.

При изучении городской жизни правомерно использовать термин «хронотоп/хронотопы досуга» для характеристики пространственно-временных рамок коммуникационных процессов в ситуации досуга. Время досуга, имеющее, в соответствии с теорией хронотопа М.М. Бахтина, преимущественное значение в этом «тандеме»¹, в данной статье практически не будет затрагиваться. Речь пойдет о специфике досугового пространства провинциального города (иерархии пространств, их «диалоге» и «конflikте» и пр.), о жизни в этом пространстве горожан, их отношении к сфере отдыха. При изучении досугового пространства высвечивается такая значимая черта

* Исследование проведено в рамках стипендии Германского исторического института в Москве и Фонда Герды Хенкель (ФРГ, Дюссельдорф) AZ 12/SR/06, тема «Досуговая культура российского провинциального города второй половины XIX в.».

¹ Бахтин называл хронотоп «преимущественной материализацией времени в пространстве». *Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе (Очерки по исторической поэтике) // Эпос и роман. СПб., 2000. С. 9, 185.*

хронотопов городского досуга, как диалогичность. О ней говорил М.М. Бахтин (в литературоведческом контексте): «Хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях... Общий характер этих взаимоотношений является *диалогическим* (в широком понимании этого термина)».

Пространство досуга провинциального города второй половины XIX – начала XX вв. отличала иерархичность и сегрегированность. Она обуславливалась не только оппозицией мира городских слобод, рабочих предместий и районов (Minimal City, по меткому определению Т. Колтона²) с их убогой инфраструктурой досуга, и элитарного городского центра (Monumental City), средоточия благоустроенных очагов культурного отдыха. Иерархичность была свойственна внутренней структуре досуговых пространств как Minimal City, так и Monumental City, подразделявшихся на публичные, частные и пограничные — групповые (национальные, сословные, профессиональные и пр.). Однако оппозиция различных частей досугового пространства, даже их «конфликт» предполагали все же в целом диалогический характер их взаимодействия.

Досуговое пространство провинциального города рассматривается на примере Казани — крупного губернского города, с довольно пестрым (в национально-конфессиональном и культурном, социально-классовом и сословном и в др. отношениях) населением, со смешанной «географической идентичностью» (Восток-Запад). Столь же смешанной была его «идентичность» и в отношении провинциальности и столичности: выступая в качестве провинциального города перед лицом российских столиц, Казань имела также многие качества столичного города.

1. Публичные досуговые пространства: общедоступность и сегрегация

К публичным досуговым пространствам можно отнести городские сады и парки, культурно-просветительные и зрелищно-

² Colton T.J. Moscow. Governing the Socialist Metropolis. Cambridge; Mass.; L., 1995. P. 251, 325, и др. Колтон подчеркивал, что эти противоречия, характерные для дореволюционных российских городов, были унаследованы советскими городами первых десятилетий.

развлекательные заведения — музеи, выставки, галереи, библиотеки и читальни, театр, цирк, кабаре и варьете, ипподром, циклодром, игорные дома; к концу рассматриваемого периода — и электротeatры (кинематографы), чайные, кондитерские, трактиры и рестораны, а также различные городские клубы и собрания. К таковым, бесспорно, относятся и городские площади (пространство торжеств и празднеств, а также ярмарок и базаров), традиционно воспринимаемые не просто утилитарно, а как места локализации многочисленных развлечений. И, наконец, рекреационные загородные пространства, которые в данной работе не затрагиваются. Инфраструктура досуговых пространств в рассматриваемое время активно развивалась, однако это развитие происходило довольно неравномерно.

Казань, расположенная на слиянии рек Волги и Казанки, являла собой причудливое сочетание городских ландшафтов. Социально-сословный, национально-конфессиональный, профессиональный состав жителей различных городских частей определял их культурное своеобразие и специфику досуга отдельных городских районов. Высокая, гористая часть города с каменными домами классического стиля, широкими площадями и улицами, Кремлем, университетом, большим количеством православных церквей и монастырей, официальными учреждениями, была средой обитания преимущественно русской и русскоязычной городской элиты: дворянства, состоятельных горожан и интеллигенции. Эти городские кварталы располагались в 1-й и отчасти в 3-ей частях города (в административно-полицейском отношении Казань делилась на шесть частей). Плотность досугового пространства была здесь наиболее интенсивной.

На городских площадях центра города разворачивались важнейшие городские празднества и торжества. Это, прежде всего, Ивановская площадь перед Кремлем и городской думой с установленным в 1895 г. памятником императору Александру II (скульптор В.О. Шервуд), и Театральная площадь. На Ивановской площади совершались молебны в дни важнейших православных праздников или тезоименитств членов императорского дома. Через нее проходили соединенные крестные ходы из казанских церквей и монастырей (площадь находилась неподалеку от кафедрального собора в Кремле, в котором совершались главные церковные службы), парады войск

гарнизона³. На месте Театральной площади еще в начале XIX в. располагался «эжзерциргауз» (военная площадь с манежем для обучения войск гарнизона). В начале XX в. она, хотя и реже, чем Ивановская, фигурирует как место парадов и смотров⁴. В государственные праздники и в честь побед русского оружия⁵, центр города украшали национальными флагами и иллюминацией, пихтовыми гирляндами.

Центр города изобилывал садами и парками. Сады в 1-й части продолжали один другой, как бы передавая друг другу «зеленую эстафету» — Банноозерский садик (его пространство с 1880-х гг. занял цирк П.А. Никитина) около Кремля и прежде соединенный с ним Черноозерский сад. Последний тянулся параллельно находившейся кварталом выше центральной улицы города, Воскресенской, и был одним из самых любимых мест прогулок горожан. Здесь в 1890-х гг. по вечерам играла музыка, летом и зимой работал ресторан Ожегова с бильярдом, кегельбаном и тиром, зимой заливался каток, и казанцы с удовольствием катались на коньках. Через дорогу от Черноозерского сада, на Николаевской площади, был разбит в 1891 г. Николаевский сквер, украшенный три года спустя фонтаном. Недалеко от сквера располагались сады, окружавшие городской театр: находившийся напротив здания театра Державинский сад, разведенный в 1871-72 гг. на месте бывшего плаца, с памятником Державину, а

³ Так, в день Крещения (6 января) через Ивановскую площадь в кафедральный собор стекались крестные ходы со всего города, а после молебна и водосвятия на реке Казанке на этой площади происходил парад войск гарнизона (см., например: Камско-Волжская речь. 1916. 8 января). В день Воздвижения Честного и животворящего Креста Господня (14 сентября) на Ивановской площади также совершался молебен (см., например: Камско-Волжская речь. 1913. 13 сентября). В «Славянский день» 22 мая 1916 г. на Ивановской площади также состоялся молебен и сбор средств в пользу разоренных войной славян (см.: Камско-Волжская речь. 1916. 22 мая).

⁴ Так, в честь прибытия в Казань великой княгини Марии Павловны — председательницы Императорского Российского пожарного общества, — в мае 1913 г. на Театральной площади был подготовлен смотр городских пожарных обозов (см.: Камско-Волжская речь. 1913. 12 мая).

⁵ Например, в честь празднования взятия Эрзерума и Трапезунда в 1916 г.: Камско-Волжская речь. 1913. 30 янв., 17 февр.; 1916. 7 и 9 февр., 10 и 22 апреля, 5 и 14 мая, 24 мая, 21 июля.

также находившийся позади театра Театральный сад⁶. Черноозерский и Державинский были наиболее посещаемыми садами в этой части города. Правда, каждый из них имел «свою» публику. Вход в Черноозерский сад был бесплатным, и соответственно, состав гуляющих более демократичным (здесь гуляли представители разных городских сословий, в т.ч. низших), а в Державинском прогуливались в основном представители «чистой» публики (интеллигенция, чиновники, студенты, гимназисты)⁷. Ряд общественных и частных городских садов располагались поблизости, в 3-ей части города. Наиболее популярными из них были разведенный в 1869-70 гг. общественный Лецкой сад, частные Панаевский сад и сад Николаи (назывался последовательно садом Износковским, Александровским, Николаи, наконец, сад «Эрмитаж»). В этих садах, преимущественно платных, жизнь, особенно летом, была ключом: работали рестораны, летние театры, летние помещения казанских клубов и обществ⁸.

Впервые газовое (1874 г.), а затем и электрическое освещение улиц (1897 г.) также появилось в центре города. Некоторые его обитатели с 1874 г. наслаждались такими благами цивилизации, как водопровод, с 1888 г. могли звонить друг другу по телефону, а с 1899 г. могли прокатиться на трамвае⁹.

Рост со второй половины XIX в. количества и популярности публичных досуговых пространств в немалой степени был связан с развитием городской инфраструктуры и коммуникаций. В 1860 г. местный дворянин свидетельствовал: «...все в Казани было в первобытном состоянии. Мостовые содержались в таком виде, что ломали экипажи, тротуары, в свою очередь, ломали прохожим ноги. По ночам на улицах царил непроницаемая тьма. Кое-где по ним мелькали тусклые и вонючие фонари, заправленные маслом»¹⁰. Понятно, что

⁶ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. проф. Н. П. Загоскина. Казань, 2005. С. 640-645.

⁷ *Ключевская Е.* Казанские сады прошлого столетия // Татарстан. Казань, 1997. № 6. С. 24.

⁸ *Алиев И.* Место встречи — сад «Эрмитаж» // Казанские истории. Казань, 2007. № 5. С. 8.

⁹ Молодость древнего города. Казань, 1978. С. 35-36.

¹⁰ *Суворов П.П.* Записки о прошлом. Ч. 1. М., 1898. С. 44.

необходимость возвращаться домой по разбитым и темным дорогам, освещая путь ручным фонарем и подвергаясь риску нападения грабителей, заставляла многих горожан отдавать предпочтение вечернему досугу в частном, домашнем, а не публичном пространстве. Появление освещения на центральных улицах подвигло горожанина на активное освоение публичных досуговых заведений, а также способствовало увеличению времени досуга. Темное время суток, которое прежде горожане коротали в домашнем кругу, либо посвящали сну, теперь можно было провести в развлечениях и удовольствиях, которые сулили «огни большого города». Не зря в своих рекламных объявлениях владельцы увеселительных заведений настоятельно подчеркивали освещенность этих досуговых пространств, что должно было создать им дополнительную привлекательность в глазах потенциальных потребителей услуг¹¹. Разумеется, расширению досуговых возможностей способствовало и появление в 1899 г. городского общественного транспорта — трамвая.

Однако развитие городской инфраструктуры и коммуникаций имело двоякие последствия. Способствуя демократизации сферы досуга и сближению хронотопов, оно, с другой стороны, в определенной мере закрепляло дистанцию между ними. Так, появление уличного освещения только в центре города значительно углубило различия и конфликт между досуговыми пространствами центра и периферии, которая по-прежнему утопала вечерами во мраке.

В центре города располагались важнейшие очаги культурной жизни, культурно-просветительные и развлекательные учреждения. На Театральной площади в 1853 г. было построено здание Дворянского собрания¹², клуб которого был открыт для дворян, иностранцев и «почтенного купечества» (наиболее богатое, знатное и влиятельное купечество, которое было в состоянии оплатить членский

¹¹ Так, завлекая горожан на дачу Серебряниковой на загородное гулянье «Чертов угол», газетное объявление сулило им «большой бриллиантовый фейерверк» и заверяло, что «дача будет иллюминирована разноцветными фонариками и стаканчиками». См.: Казанский телеграф. 1893. 28 апреля.

¹² НАРТ. Ф. 350. Оп. 1. Д. 964. Дело о приеме губернским предводителем дворянства Нейковым дворянского дома в свое владение. 19 января 1857 г. — 12 апреля 1908 г.

взнос в 25 руб.)¹³. В этом аристократическом центре города действовали и другие клубы. Вслед за дворянством и купечеством ими стремились обзавестись и прочие городские слои: Русское соединенное собрание, бывшее своеобразным «разночинским клубом», который посещали большинство профессоров и многие студенты университета¹⁴, Военное собрание, чьи балы и танцевальные вечера особенно славились в Казани¹⁵, Общество служащих в правительственных и общественных учреждениях с его Новым клубом¹⁶. Эти клубы были досуговыми центрами прежде всего для казанского дворянства, военной и гражданской интеллигенции, чиновничества.

Уже с середины XIX в. появляются любительские клубы, связанные с практическими интересами (сельское хозяйство, рыболовство, пчеловодство, охота¹⁷), а в конце XIX в. — различные спортивные общества. Общество любителей конного спорта (1867) зимой и летом устраивало бега, собиравшие массы казанцев¹⁸. В 1885 г. на Воскресенской улице было основано Общество любителей шахматной игры (Шахматный клуб). Это был чисто мужской клуб, в котором не практиковались ни танцевальные, ни семейные вечера¹⁹.

¹³ Спутник по Казани. С. 484.

¹⁴ Флерин Н.Ф. Быт студентов Казанского университета в 70-х гг. Воспоминания // Ученые записки Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. 1930. Кн. 5. С. 899. Русское соединенное собрание просуществовало с 1872 по 1891 гг.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8704. Л. 12.

¹⁵ Оба клуба находились на центральной Воскресенской улице.

¹⁶ Общество возникло в 1900 г., Новый клуб, находившийся вначале на М. Лядской, в 1913 г. обзавелся собственным зданием поблизости от старого. Зорин А.Н., Ключина Е.В. Общественные организации городов // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 457.

¹⁷ Казанское общество охоты (1868), Общество любителей правильной охоты (позже — Казанский отдел Императорского общества охоты), Казанское общество любителей птицеводства (1893), Казанское общество садоводства (1908), Общество козоводства, Общество рыболовства и рыбоводства (1902), Казанское общество пчеловодства (1904) и др. См.: Зорин А.Н., Ключина Е.В. Указ. соч. С. 458-462.

¹⁸ Зимний ипподром находился на озере Кабан, а летний — на Арском поле, на участке, приобретенном Обществом у города. См.: Зорин А.Н., Ключина Е.В. Указ. соч. С. 462-463.

¹⁹ Спутник по Казани. С. 486.

Весьма примечательна традиция клубов и обществ обзаводиться, по мере возможности, двумя помещениями — зимним (как правило, в центре города) и летним (в городской или реже — в загородной, рекреационной зоне). И дело не только в том, что пространство помещений клубов со временем становилось тесным. И не только из стремления разнообразить досуговую жизнь своих членов и нежелания «терять» их на время летнего отдыха многие сословные и любительские клубы обзаводились летними помещениями, переноса в теплое время года свои собрания в рекреационные зоны города. Так, Русское соединенное собрание, желая поддержать свое пошатнувшееся положение, обзавелось летним помещением в Износковом саду, в котором был театр оперетты и сцена местного общества любителей сценического искусства. Летнее помещение в Панаевском саду имел Шахматный клуб²⁰. Купеческий клуб с мая открывал свое летнее помещение в саду «Русская Швейцария»²¹. Вероятно, традиция иметь два помещения (зимнее и летнее) соответствовала представлениям о «правильном» досуге. Клубный досуг в какой-то мере был «домашним досугом» в общественном пространстве, и на него экстраполировались традиции как светской жизни дворянства (зимой — город с балами, маскарадами, вечерами, летом — поместье, усадьба с летними забавами), так и подражавших ему средних слоев, практиковавших летом дачный отдых.

В центре располагался также Городской театр, возникший еще в 1791 г. и обзаведшийся в 1852 г. каменным зданием (оно, впрочем, часто сгорало и перестраивалось). Его пятиярусный зрительный зал вмещал на рубеже веков до 1150 зрителей²². Летние театры тоже в основном возникали в городских садах центра города. Напротив здания Городской думы помещался Городской музей, открытый для публики в 1895 г. Городская библиотека, созданная в 1846 г. и открытая в 1865 г. в здании городской управы, и большинство частных и принадлежавших учебным заведениям библиотек²³ также распола-

²⁰ Там же. С. 485-486.

²¹ Татарская энциклопедия: В 5-ти т. Казань, 2006. Т. 3. С. 525.

²² Спутник по Казани. С. 441-442.

²³ К началу XX в. в Казани работали более 30 общественных библиотек. См.: Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1998. С. 76.

гались в «аристократической» части города, где жили представители высших слоев, интеллигенция, служащие. Состав книг был ориентирован на потребности образованного читателя; некоторые библиотеки брали залог за пользование книгами или даже плату, что могли себе позволить далеко не все потенциальные читатели. К тому же время работы библиотек было рассчитано на распорядок дня служащего, учащегося, но не рабочего и мастерового²⁴. Книжные магазины также традиционно располагались на центральных улицах, поближе к состоятельной и интеллигентной публике: в 1898 г. в Казани официально числилось девять книжных магазинов, находившихся практически на одном «пяточке» городского центра²⁵. Лишь в начале XX в. в «аристократической» части города и вблизи ее появились народные читальни. В частности, открытые городским комитетом попечительства о народной трезвости две библиотеки-читальни — имени Н.А. Некрасова в доме Чарушина в Собачьем переулке (ныне ул. Некрасова) и в доме Дряблова (ныне ул. М. Джалиля)²⁶.

Новые формы культурного досуга также появлялись, прежде всего, в пространстве городского центра. Так, первые сеансы синемаатографа Люмьера состоялись в Казани в здании городского театра 2-14 мая 1897 г., причем, проходили в сопровождении симфонического оркестра, а с открытием летнего сезона сеансы перемещаются в летний театр сада Панаева. Когда в 1908 г. в городе появляются первые постоянные электротeatры, специально приспособленные для кинематографа, то они также локализуются в «аристократической части». Из трех десятков киноустановок (8 электротeatров и около 20-ти киноустановок в гостиницах, ресторанах и трактирах) абсолютное большинство электротeatров и большинство киноустановок в других помещениях находились в центре города и только

²⁴ Наиболее демократичная в этом отношении городская публичная библиотека лишь полгода (осенью и зимой) была открыта с 17 до 20 ч. В остальное время она открывалась только в 10 утра и закрывалась в 5 вечера, а то и в 2 часа дня. См.: Спутник по Казани. С. 414-417.

²⁵ Семь из них находились на Воскресенской и прилегающей Гостиннодворской улицах, два остальных — поблизости, на Большой Проломной и на Рыбнорядской улицах. См.: НАРТ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 15. Л. 23об.-24об.

²⁶ Там же. Д. 55. Л. 49-49об.

четыре располагались в ресторанах и гостиницах Устьинской пристани и одна киноустановка в Адмиралтейской слободе²⁷.

Расположенную ниже «аристократической» части (в административно-полицейском плане, это в основном, 2-я городская часть, и отчасти 4-я), преимущественно русскую, торгово-купеческую, мещанскую и ремесленную часть города отличали каменные и деревянные дома попроще, характерные торговые лабазы. Подражая дворянству и интеллигенции городского центра, элита проживавшего здесь купечества, торговослужащих и ремесленников активно создавала собственные досуговые центры. В 1859 г. был утвержден устав Казанского купеческого клуба, а в 1861 г. клуб открыл свои двери. В Купеческом клубе, имевшем зрительный зал со сценой, танцевальный зал, ресторан, буфет, библиотеку и читальню, проводились балы и маскарады, танцевальные и благотворительные вечера, детские праздники, отмечались торжественные события и празднества²⁸. В 1886 г. в Казани возник еще один клуб, созданный по сословно-профессиональному признаку — клуб «Вспомогательного общества приказчиков»²⁹, для которого купцами было приобретено здание на ул. Рыбнорядской с целью «развлечений и культурного развития» приказчиков³⁰. В 1895 г. создали свой клуб Ремесленное собрание на Большой Проломной улице казанские ремесленники³¹.

В этой части городского пространства предпринимались попытки «облагородить» досуг представителей низших городских слоев. 2 июня 1893 г. на углу набережной протоки Булак и Кузнечной улицы была создана первая чайная Общества трезвости для народ-

²⁷ Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии (1897–1917 гг.). Казань, 2007. С. 27, 35, 51, 53 и др.

²⁸ Купеческий клуб был открыт на Большой Проломной улице (Спутник по Казани. С. 485), а с 1908 г. находился на пересечении Вознесенской и Поперечно-Вознесенской (совр. ул. А. Островского и К. Наджми), ныне здание Казанского театра юного зрителя: Татарская энциклопедия. Т. 3. С. 525.

²⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 33. Л. 2. Вспомогательное общество приказчиков было создано в 1866 г. См.: Казанский биржевой листок. 1869. 16 января.

³⁰ Глухов-Ногайбек М. Казанский ретро-лексикон. Первый опыт родословно-биографической и историко-краеведческой энциклопедии. Казань, 2002. С. 258.

³¹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8704. Л. 1, 5, 9, 12, 13.

ных масс города, с библиотекой и комнатой заседаний Общества трезвости и Комиссии народных чтений, с народной читальней, аудиторией для вечерних и праздничных народных чтений³². В начале нового века была открыта библиотека-читальня им. Н.В. Гоголя в доме Николаи на Вознесенской ул. (ныне ул. Островского)³³.

Площади этой части города были важнейшими торговыми центрами, местами народных гуляний и развлечений в дни больших праздников. Здесь устанавливались балаганы, карусели, качели, другие увеселительные сооружения. Такими местами народных гуляний становились, например, Николаевская и Рыбнорядская площади. Находившиеся «на границе» между престижной, дворянской частью города и более демократической, торгово-купеческой, они привлекали внимание жителей и состоятельных кварталов. А располагавшаяся под Кремлем у Булака весенняя ярмарка («весенняя биржа», называемая татарским населением «Гашаяк») была своеобразным «пограничьем», где с удовольствием проводили время горожане не только разных социальных слоев, но и разных национальностей. Особенно много бывало на этой ярмарке татар.

Садов и парков в этом районе не было. Практически единственным во 2-й части был небольшой Мокринский садик, разбитый недалеко от железнодорожного вокзала. Однако в этой части города располагалось немало значных мест, в которых искали сомнительных удовольствий представители низших и средних слоев горожан. Так, 2-я часть, вернее, находившаяся в ее составе Мокрая слобода, во второй половине XIX в. была одним из двух районов Казани, где были наиболее плотно сосредоточены публичные дома и подпольные бордели (вторым районом были Пески в 4-й части города, в Суконной слободе), где процветала и одиночная проституция, всегда находившая спрос среди «гулявших» здесь мастеровых и солдат из расположенных неподалеку казарм. В Мокрой слободе круглосуточно торговали вином, занимались ростовщичеством и скупкой вещей. Кроме того, вблизи упомянутой столовой Общества трезвости, находился район, где «гуляли» как мастеровые, так и представители городского «дна» (т.н. голяки и ночлежники). В конце 1890-х гг. цен-

³² Казанский телеграф. 1893. 20 мая, 2 июня, 3 июня.

³³ НАРТ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 55. Л. 49-49об.

тром этих «безобразий» была гостиница «Россия», расположенная на городской протоке Булак вблизи т.н. Толкучего рынка и городских ночлежек. Казанский полицмейстер, объясняясь с губернатором в 1898 г. по поводу жалоб постояльцев этой гостиницы, писал, что обитатели расположенных поблизости ночлежек и приютов, получив даровое питание в столовой Общества трезвости, расходятся по поденным заработкам. Добыв копейки, они пропивают их в сравнительно дешевой гостинице «Россия», а когда заканчиваются деньги, идут на соседний Толкучий рынок и продают свою одежду. Пропив и ее, клячат деньги у прохожих и постояльцев. Полицмейстер предлагал закрыть трактиры в этом районе вообще, т.к. «в этой местности вращается народ бедный и слабый к спиртным напиткам, которого одна вывеска трактира соблазняет на выпивку»³⁴.

«С тылов» четыре казанские городские части окружали расположенные на этом же и на противоположном берегу реки Казанки (это 6-я городская часть) рабочие слободы — Суконная, Адмиралтейская, Ягодная, две Игумновы, чьи узкие, напоминавшие деревенские, улицы, небогатые жилища и мрачные заводские здания и бараки резко контрастировали с ландшафтом городского центра³⁵.

Здесь инфраструктура досуга была слабо развитой. Фактически, как и в селах, центром общественно-культурной жизни оставались православные храмы. Редким явлением можно считать создание в рабочих слободах клубов: речь идет о Военном собрании порохового завода в Пороховой слободе³⁶ (его членами состояли все офицеры и классные чиновники завода³⁷), и о значившихся в 1908 г. в списке казанских клубов «Собрании служащих при Алафузовской фабрике

³⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11447. Л. 3-4.

³⁵ Перепись населения 1897 г. зафиксировала наличие 11 присоединенных к городу слобод — Академической, Суконной, Архангельской, Новотатарской, Адмиралтейской, Большой и Малой Игумновых, Ягодной, Гривки, Козьей, Кизической. В них проживало тогда в общей сложности более 30500 чел. (примерно 24% населения Казани). (Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 год). Исторически слобод в Казани было намного больше. См.: Бикбулатов Р., Мустафин Р. Казань и ее слободы. Казань, 2001.

³⁶ Спутник по Казани. С. 486.

³⁷ НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2979. Л. 46.

и заводе» и «Адмиралтейском соединенном собрании»³⁸. Но это были сословные клубы для представителей военной и гражданской интеллигенции, вынужденных по роду службы проживать в рабочей части города. Правда, усилиями благотворителей-промышленников кое-где создавались очаги культурного досуга, специально предназначенные для проживавших здесь рабочих. В частности, бесплатные народные библиотеки: открытые в 1896 г. в Пороховой слободе библиотека для рабочих порохового завода³⁹, в 1895 г. в Адмиралтейской слободе библиотека-читальня на Московской улице в доме городского общественного управления⁴⁰, в 1900 г. в Ягодной слободе на ул. Архангельской в доме Торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов — народная библиотека-читальня для рабочих-татар Алафузовской фабрики⁴¹. Весьма показательна пространственная привязка народных библиотек-читален и на рабочих окраинах, и в центре либо к месту работы читателя (завод), либо к церкви, либо к одному из немногих в России обществ, которые пытались влиять на качество народного досуга (Общество трезвости).

Самым известным из созданных для рабочих благотворительных очагов культуры стал Алафузовский театр в Адмиралтейской слободе, построенный в 1898–1900 гг. на средства купца и промышленника И.И. Алафузова как «народный дом» и училище для рабочих. В этом здании был клуб, где ставились спектакли на русском и позже — на татарском языке, проводились танцевальные вечера, литературные чтения, читали лекции преподаватели Казанского университета, демонстрировались «туманные картины»⁴².

В рабочих слободах было немного площадей, становившихся центрами празднеств (за рекой Казанкой — Пороховская площадь в Пороховой слободе, Николаевская площадь в Ягодной слободе (в советское время — площадь Петрова), Адмиралтейская площадь в

³⁸ Там же. Л. 7, 45.

³⁹ Принадлежала жене директора порохового завода, генерала Лукницкого — М.М. Лукницкой. См.: НАРТ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 15. Л. 25об.

⁴⁰ Учреждена приходским попечительством Боголюбской церкви. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10082. Л. 1, 18, 25.

⁴¹ НАРТ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 55. Л. 49-49об.

⁴² Татарская энциклопедия. Т. 1. С. 99; Бикбулатов Р., Мустафин Р. Казань и ее слободы. С. 158.

Адмиралтейской слободе), и парков, бывших местами народных гуляний и воскресного отдыха. Практически единственным за рекой Казанкой был Андреевский сад в Адмиралтейской слободе. В «плебейской», 4-й части городских садов не было вообще, если не считать ботанического сада Казанского университета (с 1830-х гг.) на берегу озера Кабан (но считалось, что он находится уже в пригородной, рекреационной местности, на берегу пролива, соединяющего о. Ближний Кабан с Дальним (Средним) Кабаном).

Силами местных органов либо на средства купцов и промышленников (получавших от этого определенный доход) в этих районах города в большие праздники (как правило, на Рождество, Святки и на Масленицу) строились временные сооружения для развлечения народа и гуляний (горки, карусели, качели). На озере Кабан на Масленицу ставились холщовые балаганы, нехитрые развлечения в которых (вроде кривляния паяцев или «музыки», состоявшей из барабана и флейты) привлекали толпы простого народа⁴³. Более «утонченные» развлечения иногда привлекали и «чистую» публику. Так, в декабре 1875 г. петербургский купец Г.Г. Тальквист построил на зиму горки для публичного катания в конце Адмиралтейской слободы, у павильона на мосту конно-железной дороги⁴⁴. Кататься приезжали и жители других районов, в т.ч. студенты Казанского университета, жившие на съемных квартирах в центре. Адмиралтейская слобода обретала привлекательность как место прогулок горожан из центра Казани и в весеннюю пору: отсюда, с волжских пристаней, приехавшие на извозчиках горожане любовались картинами ледохода, а в здешних ресторанах и трактирах замерзшие казанцы могли «обогреться, напиток чаю, выпить пива и что-нибудь съесть»⁴⁵.

Досуговое пространство слобод отличало большое число легальных и нелегальных заведений, в которых некоторые группы горожан практиковали социально неодобряемые формы досуга. Речь идет, прежде всего, о публичных и игорных домах и притонах. Так, улица Пески в Суконной слободе была одним из двух мест локализации наибольшего числа дешевых публичных домов, существовав-

⁴³ Казанский биржевой листок. 1869. 9 марта.

⁴⁴ НАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1183. Л. 1-2.

⁴⁵ Флерин Н.Ф. Быт студентов Казанского университета... С. 900.

ших с 1860-х гг.⁴⁶, услуги которых находили широкий спрос среди мастерового и студенческого населения, солдат из располагавшихся неподалеку казарм. Городские власти сознательно поддерживали существование значных мест в слободах, предпочитая, чтобы «дома» самого низкого пошиба находились подальше от городского центра и были сосредоточены как можно компактней, что облегчало контроль за ними. Недаром, в ходе полицейской переписки по поводу просьбы жителей Песков о выселении публичных домов с их улицы, пристав 4-й части Казани подчеркивал, что «улица Пески, исключительно, назначена для публичных заведений»⁴⁷.

За озером Кабан и частично за Булаком, отделявшими русскую часть города от татарской, взгляду путешественника предстал необычный мир Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод с яркими красками деревянных и каменных домов, узорчатых мечетей, пестротой восточного базара, колоритно одетыми жителями. Татарские слободы официально составляли 5-ю городскую часть, но фактически охватывали и часть 2-ой. В отличие от русского, татарское общество Казани до начала XX в. не имело собственных общественных и досуговых зданий⁴⁸, за исключением мечетей. Татарское население было организовано в махалли («особые социальные сообщества на конфессиональной основе», «регулировавшие межличностные, межгрупповые взаимоотношения»); каждая из них относилась к одной из девяти мечетей: «Марджани», «Апанаевской», «Бурнаевской», «Голубой», «Галеевской», «Усмановской», «Сенной», «Казаковской», «Азимовской»⁴⁹. Состоятельное татарское купечество селилось в основном в Закабанье, а во второй половине XIX в. — и за Булаком, где традиционно жили мещане и ремеслен-

⁴⁶ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 9об.

⁴⁷ Там же. Л. 10.

⁴⁸ *Надырова Х.Г.* Архитектурно-пространственная организация Старо-Татарской слободы в конце XVIII-начале XX вв. // Старо-Татарская слобода — от прошлого к будущему: Материалы научно-практич. конф. Казань, 28 февраля — 1 марта 2000 г. / Отв. ред. Н.Р. Галеев. Казань, 2001. С. 196.

⁴⁹ *Салихов Р.Р.* Актуальные проблемы и перспективы изучения истории Старо-Татарской слободы // Старо-Татарская слобода... С. 18-19.

ники⁵⁰. Функция мечети была не только религиозной; мечеть играла роль информационного центра, места общения, «клуба» махалли⁵¹.

Роль своеобразных клубов, где собирались, беседовали и вели деловые переговоры татарские мужчины, выполняли чайханы в татарской части города, особенно на Сенном базаре (Сенной площади), который считался не только ее торговым, но и культурным центром⁵². Важную функцию в общественной, культурной и досуговой жизни татарских слобод выполняла Юнусовская площадь в Закабанье (пересечение улиц Екатерининской и Поперечной, ныне — Тукаевской и Ф. Карими). Вначале задуманная тоже как торговая, она стала своеобразным административным центром татарской части города, где проходили официальные церемонии и торжества. Так, в 1913 г. именно Юнусовская площадь стала центром торжеств мусульман города, связанных с общегосударственным празднованием 300-летия Дома Романовых⁵³. Площадь имела и повседневно-досуговое значение для обитателей слободы. К началу XX в. она стала площадью-сквером из четырех садов⁵⁴, различавшихся по социальному, гендерному и функциональному назначению:

«...благородные татарочки, светские девицы ходили на свидания к своим женихам в сад Любви, в центре которого стоял красивый фонтан, богато украшенный вазонами, окруженный узорными ажурными решетками. Вокруг цвели клумбы, тихо переливались воды фонтана, переговариваясь с решетками и цветами. Воздух сада состоял из вздохов, шепота и неровного дыхания влюбленных сердец. ...Светские девицы ходили на свидания с прислугами, которые ждали их в саду Печали, названном так, может быть, потому, что разговоры во время ожидания вели бедные женщины о несчастьях, болезнях и печалях в своих семьях. ...Сад Танцев. Под солнечными лучами дети бегали босиком по желтому бульжнику мостовой ...и только искры летели из-под ног танцующих людей. ...Светские благородные муж-

⁵⁰ Нугманова Г.Г. К вопросу о границах Старо-Татарской слободы // Татарские слободы Казани: Очерки истории. Казань, 2002. С. 77-78.

⁵¹ Салихов Р.Р. Указ. соч. С. 18-19.

⁵² Фатхуллова Э.Ш. Старо-Татарская слобода в контексте развития татарской культуры // Татарские слободы Казани... С. 181.

⁵³ Камско-Волжская речь. 1913. 7, 8, 10, 19 февр.

⁵⁴ Надырова Х.Г. Указ. соч. С. 196.

чины выходили из мечети и шли в сад Майдан, где они устраивали деловые встречи, советовались между собой по важным делам»⁵⁵.

Заметим, однако, что такой «универсализм» площади во многом был вынужденным, так как иных общественных парковых зон в татарской части города практически не было.

В начале века культурная жизнь татарского общества интенсифицируется, и возникает необходимость в светских общественных пространствах. Но поскольку таковых не было, их функции нередко выполняли доходные дома и номера. В 1907 г.⁵⁶ представители татарской интеллигенции, предпринимателей и духовенства создали и зарегистрировали культурно-просветительское общество «Восточный клуб» («Общество мусульман г. Казани»), призванное обеспечить досуговые потребности казанских мусульман. В Восточном клубе ставились самодеятельные спектакли, проводились литературно-музыкальные вечера, читались лекции⁵⁷, в 1908 г. была создана татарская библиотека клуба, выступала созданная в 1907 г. татарская театральная труппа «Сайяр» (Передвижная)⁵⁸. Клуб размещался сначала в номерах «Булгар» (угол улиц Московской и Евангелистовской), потом в частном доме М. М. Апанаевой на Евангелистовской улице⁵⁹. Первая татарская публичная библиотека, названная «Китапханаи Исламия», обосновалась в 1906 г. в угловом здании издательского и книготоргового комплекса братьев Каримовых на углу улиц Екатерининской и Евангелистовской (ныне Тукаевская и Татарстан)⁶⁰. Книжные лавки (их в 1898 г. было 9) располагались в основном на Московской улице вблизи татарской части города и на Сен-

⁵⁵ Биктимирова Н. Четыре сада Юнусовской площади // Казань. 1993. № 1. С. 70; Айдарова-Волкова Г. Бесценный опыт // Казань. 1999. № 9-10. С. 17; Фатхуллова Э.Ш. Старо-Татарская слобода в контексте развития татарской культуры. С. 184-185.

⁵⁶ По другим данным — 21 декабря 1906 г.: Салихов Р.Р. Актуальные проблемы и перспективы изучения истории Старо-Татарской слободы. С. 20.

⁵⁷ Миннуллин К.М. Роль Восточного клуба в изучении татарского народного песенного искусства // Старо-Татарская слобода... С. 209-211.

⁵⁸ Гайнуллин М.Х. Татарская литература XIX в. Казань, 1975. С. 276-277.

⁵⁹ Благов Ю. К истории «Восточного клуба» // Татарстан. Казань, 1997. № 5. С. 78-79.

⁶⁰ Республика Татарстан: памятники истории и культуры. Каталог-справочник. Казань, 1993. С. 230.

ной площади в татарской части Казани. 7 из 9 книжных лавок принадлежали татарским крестьянам, мещанам, купцу⁶¹. Логично заключить, что лавки, владельцами которых были татары, предназначали свой товар, прежде всего, татарскому читателю.

Татарская часть города не была лишена «злчных мест» и трактирных заведений. О существовании здесь «татарского кабака» еще в середине XIX в. (где подавалась, правда, не чистая водка, запрещенная исламом, а т.н. «бальзам» — настой трав на вине) упоминалось в материалах по Казанской губернии, собранных офицерами Генштаба⁶². Но особенно активно трактирные заведения открываются в начале XX в. Одно из них, Юнусовское подворье, упоминается в романе Атиллы Расиха «Ямашев»: «С утра до поздней ночи, не стихая, гудят номера подворья, хлопают двери — в одни заходят, в другие выходят, и в каждой комнате — своя развеселая, угарная жизнь»⁶³. В начале XX в. в татарской части города существовали и публичные дома, с татарками-владелицами и чисто татарским «персоналом» — в основном из татарских деревень. Татарский поэт и публицист Г. Тукай в своих поэтических произведениях с негодованием писал о мире татарских публичных домов в Закабанье, упоминал в статьях и названия этих заведений — «Коза Маги», «Подвал Фатыма», «Хусни с собакой», «Девочки публичных домов»⁶⁴.

Таким образом, публичные досуговые пространства были распределены по территории города весьма неравномерно, и плотность их размещения сильно различалась в зависимости от статуса района и от назначения того или иного досугового пространства. Так, очаги культуры и искусства в основном размещались в самой престижной части города, где проживала наиболее состоятельная и образованная часть населения. Заведения с сомнительной репутацией размещались, как правило, на окраинах, подальше от мест проживания «чистой публики» и поближе к потенциальным потребителям их услуг.

⁶¹ НАРТ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 15. Л. 23об.-24об.

⁶² Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 8. Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. СПб., 1861. С. 219.

⁶³ Казань в художественной литературе / В. Аристов, А. Каримуллин, В. Климентовский. Казань, 1977. С. 266.

⁶⁴ См.: Тукай Г. Избранное. В 2-х тт. Т. 2. Казань, 1961. С. 224.

Публичность досугового пространства не всегда означала общедоступность: существовали групповые публичные пространства, сегрегированные по национально-конфессиональному, сословному, профессиональному, гендерному и прочим признакам. Один из ярких примеров — казанские клубы: Дворянский, Военный, Купеческий, Восточный, Шахматный и пр., суммы членских взносов и уставы которых отсекали доступ к членству в них представителей низших городских слоев, солдат, женщин, учащихся средних учебных заведений, а правила ограничивали появление на мероприятиях клубов «посторонних» лиц, поскольку существовала система приглашений и поручительства членом за приглашаемых гостей.

Сегрегация внутри публичного досугового пространства, призванная не допустить в те или иные его части представителей отдельных групп населения, осуществлялась при помощи разных рычагов. Один из них — административный. Например, выработанные в губернии в 1895 г. «Правила относительно соблюдения порядка и приличия учениками вне стен учебного заведения и вне дома» строго запрещали учащимся средних учебных заведений посещать маскарады, клубы, трактиры, кофейни, кондитерские, бильярдные, молочные, некоторые другие публичные и увеселительные места (в т.ч. ряд городских садов). Посещение театра и публичных библиотек допускалось только с разового разрешения начальства учебного заведения, время нахождения учеников вне дома было жестко ограничено⁶⁵. Приказом по Казанскому военному округу от 29 ноября 1884 г. нижним чинам, состоявшим на действительной службе, был запрещен вход в заведения, производившие «раздробительную продажу крепких напитков»⁶⁶. Однако и учащимися, и солдатами эти грозные запреты спокойно нарушались. Уставы практически всех клубов (даже клуба велосипедистов) зафиксировали запрет женщинам состоять членами этих досуговых объединений. Дамы могли быть приглашены членом клуба на танцевальный или иной вечер, для чего требовалось купить билет (впрочем, во многих клубах доступ на вечера был довольно легок). Исключение составляло Казан-

⁶⁵ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9747. Л. 2, 4.

⁶⁶ Там же. Д. 5721. Л. 105.

ское фотографическое общество (создано в 1895 г.), устав которого зафиксировал, что его членами «могут быть лица обоего пола»⁶⁷.

Были и другие рычаги, например, экономический (ценовой): повышенная плата за вход в престижные рестораны, даже за вход в городские сады и парки в определенные дни и часы, дифференцированная плата за проезд в разных частях городского прогулочного трамвая. Так, цены на билеты в городской театр в 1870-х гг. варьировались от 25 копеек («верхние места», раек) до 7 рублей (за литературную ложу)⁶⁸. Чуть позже, когда появились электротeatры, эта дифференциация осуществлялась и там: билет в 3-й ряд в 1915 г. стоил 10 коп., а в ложу бельэтажа — 4 руб.⁶⁹. Цены на пароход, курсировавший летом по озеру Кабан, делились на два класса: в будни билет в первый класс стоил 15 коп., во второй — 10 коп., а в праздники, соответственно, 20 и 15 коп. Существовали и своеобразные «социальные» билеты: дети до 10 лет, «деревенские и нижние чины» платили по 5 коп.⁷⁰ Бесплатный вход в некоторые досуговые пространства, его социальная недифференцированность нередко вызывали недовольство более обеспеченных и привилегированных слоев населения, не желавших смешиваться с «простой» публикой. Так, автор письма в казанскую газету, комментировавший открытие нового загородного гулянья на Дальнем Кабане, презрительно замечал: «Вход на «Пикник» бесплатный, и, по всей видимости, благодаря этому обстоятельству нам пришлось встретить там деревенский лапоть»⁷¹.

Сегрегация осуществлялась и при помощи «дресс-кода». В городские сады оборванцев в лохмотьях и просто плохо одетых не пускала полиция. М. Горький в рассказе «Двадцать шесть и одна» (1899 г.), вспоминая свою казанскую жизнь 1880-х гг. и работу в пекарне, подчеркивал разный «статус» таких работников хлебопекарного дела, как крендельщики и булочники. Говоря о более высоком статусе булочников, он писал: «они по праздникам и в свободное от работы время одевались в пиджаки и сапоги со скрипом, двое из них имели гармоники, и все они ходили гулять в городской сад, — мы

⁶⁷ Там же. Д. 9728. Л. 17. С. 4.

⁶⁸ НАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 440. Л. 12об.

⁶⁹ НАРТ. Ф. 636. Оп. 1. Д. 1.

⁷⁰ Казанский телеграф. 1893. 8 мая.

⁷¹ Там же. 25 июня.

же носили какие-то грязные лохмотья и опорки или лапти на ногах, нас не пускала в городской сад полиция...»⁷². Бедные и плохо одетые студенты нередко не появлялись на балах и вечерах в дворянских домах, даже если имели на то право по принадлежности к словию. А многие студенты вообще стеснялись появляться плохо одетыми вне студенческого сообщества. Так, мемуарист писал, вспоминая свое студенчество в 1870-х гг., что «многие студенты, из застенчивости и неимения приличного костюма, не вели знакомств с горожанами, а проводили время в товарищеской компании»⁷³.

Однако суровость «сегрегационных» мер смягчалась многочисленными исключениями и послаблениями, имевшими характер почти что нормы. К началу XX в. по мере демократизации и гомогенизации досугового пространства сегрегация еще ослабевает, а рычаги ее регулирования оказываются все менее действенными.

2. Частные досуговые пространства

К частным досуговым пространствам относилось, прежде всего, пространство частного дома, квартиры (собственной или снимаемой). Недостаток досуговых публичных пространств в определенных частях города (например, рабочие и ремесленные слободы), отсутствие собственных групповых публичных пространств у некоторых категорий городского населения (татары-мусульмане) — значительно повышали значение частных досуговых пространств. Эта гипертрофированная роль домашнего пространства способствовала преобладанию и лидированию в структуре досуга указанных категорий населения такой формы отдыха, как гостевание (прием гостей и походы в гости), характерной для традиционных культур.

Частное пространство было довольно закрытым, что признавал даже закон, снисходительно позволяя практиковать в домашнем пространстве такие формы досуга, которые не разрешались в публичном. Так, законы Российской империи запрещали азартные игры в карты и другие игры в публичном пространстве (другой вопрос — лукавая трактовка того, что является азартной игрой, и фактическое разрешение карточных игр в сословных клубах). Игра же в домашнем и дружеском кругу разрешалась «если игра игроку служила за-

⁷² Горький М. Собрание сочинений в 16 тт. Т. 3. М., 1979. С. 408.

⁷³ Флерин НФ. Быт студентов Казанского университета... С. 899.

бавою или отдохновением посреди своей семьи и с друзьями и при том она не принадлежит к числу игр запрещенных, то вины нет»⁷⁴. «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» 1857 г. регулировал вопросы «благочиния» отдельно для «домашних забав и увеселений» и для «общенародных». Отмечалось, что «домашние забавы и увеселения тогда только подлежат надзору полиции и воспрещаются ею, когда в оные входит что-либо, законам противное»⁷⁵.

Степень закрытости частного досугового пространства зависела от целого ряда факторов. В отношении Казани одним из значимых факторов был национально-конфессиональный. Речь идет о специфике мусульманского частного досугового пространства. Татарская архитектура дома была ориентирована «внутрь», внутреннее пространство закрыто от посторонних глаз. Находившееся внутри замкнутого квартала — махали, специфически организованное досуговое домашнее пространство включало, помимо того, особую закрытую зону внутри этого «закрытого» дома — женскую половину, где проводили свой досуг женщины семьи и их гости.

Карл Фукс, врач, профессор Казанского университета, автор одной из первых книг о казанских татарах и их быте (1844), рассказал об одной из таких «вечеринок» богатых татарок — о пирушке накануне свадьбы⁷⁶. Он подчеркивал, что был обязан своеобразным «присутствием» в женском досуговом пространстве только тому, что вылечил хозяйку дома от болезни, а также своему искусству уговаривать: в итоге, его спрятали в соседней комнате и позволили смотреть в дырочку на ширме. Кроме того, в качестве своеобразной «заложницы» соблюдения приличия и для успокоения совести хозяйки на торжество была приглашена русская жена Фукса. Думается, что одной из причин, почему хозяйка дома согласилась тайно нарушить закрытость женского досугового пространства мусульманского жилища, было и то обстоятельство, что Фукс был немцем, т.е. предста-

⁷⁴ Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. Т. 14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. СПб., 1857. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. С. 85-86.

⁷⁵ См.: Свод законов Российской империи. Изд-е 1916 г. Т. 14. Устав благочиния и безопасности. Пг., 1916. Ст. 296. С. 60.

⁷⁶ Карл Фукс о Казани, Казанском крае. Труды, документы, воспоминания, исследования. Казань, 2005. С. 177-181.

вителем совсем иной культуры. Он не подчинялся мусульманским традициям, поэтому не мог их и нарушить, как не мог нарушить «святость» женской половины дома, поэтому рассматривался в качестве меньшей потенциальной опасности, чем мужчина-татарин.

Закрытое частное пространство досуга семьи, отдельного горожанина позволялось нарушать лишь родственникам, близким друзьям, приглашенным. Иллюзию открытости производили домашние досуговые пространства, с одной стороны, низших, с другой — высших слоев населения. В отношении низших слоев эта иллюзия создавалась широким распространением досуговой формы гостевания. Однако доступ в досуговые пространства представителей низших слоев довольно жестко регулировала традиция и представления о поведении в будничное и праздничное время, восходившие к сельской культуре. Бытовавшая в среде широких слоев населения мысль о том, что «незванный гость хуже татарина», в полной мере отражала эту традицию. Т. Бернштам, изучавшая повседневную жизнь русской общины XIX — начала XX в., отметила, что посетитель, пришедший без приглашения в будничное время, не удаивался угощения, поскольку не считался гостем⁷⁷. В отношении некоторых домов богатых и знатных горожан, интеллигенции иллюзия «открытости» досугового пространства могла создаваться во время пышных балов и званых вечеров, регулярно организуемых салонов и журфиксов. Действительно, число «вторгавшихся» в частное досуговое пространство в эти дни необычайно расширялось. Но, несмотря на обилие посетителей, их состав жестко контролировался во избежание допуска «чужака». Состав гостей контролировался специальными приглашениями, рассылаемыми заблаговременно, а также системой докладов и «контролем» прислуги на входе. И не только прислуги: нередко хозяева сами встречали гостей. Так, описывая бал в доме казанской дворянской семьи, П. Боборыкин замечал, что «хозяин дома, по обыкновению, торчал у входа в гостиную, говорил каждому “enchanté!”...»⁷⁸. «Естественный отбор» посетителей обуславливался и самими формами досуга: присутствие на литературно-

⁷⁷ Бернштам Т. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX вв. Л., 1988. С. 210.

⁷⁸ Боборыкин П.Д. В путь-дорогу. Роман в 6 кн. СПб., 1864. Кн. 4. С. 51.

музыкальных чтениях, беседы в салонах интеллигенции требовали наличия определенного интеллектуального и культурного ценза.

Некоторым нарушением частного досугового пространства можно считать лишь традицию поездок с поздравлениями в частные дома в праздничные дни: краткие визиты поздравляющих принимали вне зависимости от того, вхож визитант в дом или нет. Однако в зависимости от статуса и социально-профессиональной принадлежности визитантов принимали по-разному. Историк В.И. Адо вспоминал, что в начале XX в. приходивших поздравить с Пасхой посетителей в доме его отца, крупного казанского чиновника, принимали «по ранжиру». Родственников, знакомых, сослуживцев — «людей родительского круга» — принимали в гостиной и столовой, усаживали за стол, потчевали. Священника и дьякона, совершавших в гостиной молебен, после молебна также приглашали к столу, а почтальону, дворнику и швейцару, не приглашая присесть, подносили водку и закуску и денежный подарок, причем, почтальона принимали через парадный вход, а двух других — через черный ход⁷⁹.

Частное, домашнее досуговое пространство могло, при определенных условиях, трансформироваться на некоторое время в публичное. Речь идет о бытовавшей, особенно среди городских мещан, практике «сдачи» своего дома или квартиры под проведение вечеринки, гулянки с платным входом по «билетам». Архивные документы фиксируют многочисленные случаи такой «сдачи» помещений в Казани в конце XIX – начале XX вв.: так, в октябре 1893 г. провизор Бергман сдал квартиру на ночь за 10 руб. для студенческой вечеринки, в октябре 1895 г. вдова мещанина Ю.В. Шпакштейн сдала свою двухкомнатную квартиру на всю ночь за 5 руб. для той же цели. И на той, и на другой вечеринке гуляло более 100 чел. (причем, вся семья Шпакштейн, включая ее сыновей-гимназистов, вынужденно присутствовала на этой вечеринке)⁸⁰. На вечеринке в квартире мещанки С. Владимировой в ноябре 1892 г. гуляло более 150 чел.⁸¹. Такая практика вызывала порицание властей, неизменно указывавших квартировладельцам или съемщикам, что недопустимо предос-

⁷⁹ Адо В.И. Вспоминая прошлое... Записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. № 7. С. 47-48.

⁸⁰ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9235. Л. 1-1об.; Д. 9971. Л. 1-1об.

⁸¹ Там же. Д. 8998. Л. 2-2об.

тавлять свое жилище для «незаконных» сборищ, каковыми являлись такие вечеринки. Практика сдачи/съема частных помещений под вечеринку была следствием такого новшества в хронотопе досуга средних и низших городских слоев, как расширение сферы досуга за счет ночных часов — от заката до рассвета — в подражание «элитной» привилегии дворянства развлекаться до утра⁸² (эта подражательная тенденция усиливалась по мере демократизации досуговой культуры во второй половине XIX – начале XX в.).

3. «Фронтир» и нарушение границ повседневного пространства в ситуации досуга

Один из интересных аспектов проблемы «конфликта/диалога» досуговых пространств — нарушение границ «своего» повседневного обывденного пространства в ситуации досуга, выход за фронтир. Исследователи, обратившие внимание на эту «охоту к перемене мест», считали перемещение в пространстве досуга попыткой разорвать замкнутость временного будничного цикла⁸³. Частным случаем нарушения обывденного пространства можно считать проведение досуга представителями разных социальных или национальных слоев непосредственно на фронтире.

Своеобразным «фронтиром», на котором проводили досуг жители разных районов города, представители различных социальных и национально-конфессиональных групп, были городские базары (на Николаевской, Рыбнорядской и др. площадях) и сезонные ярмарки (Весенняя биржа, или Ташаяк), нередко располагавшиеся на границе районов. Фронтиром между русской и татарской частями города было озеро Кабан. Ф.И. Шаляпин писал: «С одной стороны Кабана — тихая Татарская слобода и огромная фабрика Крестовниковых, а с другой стороны — Пески, где всю ночь напролет пьют, дерутся. А между этими противоположностями — спокойное, темное пространство...»⁸⁴. Именно на этой границе между татарской и русской час-

⁸² Об этом см.: Дуков Е. Ночь и город // От заката до рассвета: Ночь как культурологический феномен: Сб. ст. СПб., 2005. С. 14.

⁸³ См., напр.: Егоров Б.Ф. Труд и отдых в русском быту и литературе XIX в. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 323-324.

⁸⁴ Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. Пермь, 1961. С. 40.

тями Казани, на льду озера Кабан, традиционно проводились кулачные бои: дрались «татары» против «русских»⁸⁵. Поведение на этом фронтире было четко регламентировано негласными правилами кулачных боев и неукоснительно соблюдалось обеими сторонами.

Нарушения границ досугового пространства практиковали все слои. Представители высших городских слоев искали развлечений в бедных кварталах; горожан из низших слоев любопытство приводило в досуговую сферу богатых кварталов. Одной из форм свободного времяпрепровождения представителей низших городских слоев были драки за территорию в кварталах их проживания⁸⁶. Жители русских частей города отправлялись в «тихую татарскую слободу» за восточной экзотикой и мнимым покоем и благолепием. А представители татарского населения отправлялись в русские части города в поисках развлекательных заведений, запрещенных в татарских слободах. И это был не только, например, театр, но трактиры и публичные дома, даже специальные татарские публичные дома, размещавшиеся с конца 1850-х гг. до начала XX в., ввиду противодействия татарской общины, в русской части города (в Мокрой слободе).

Примечательно отношение мусульманской общины к нарушению ее представителями границ «своего» досугового пространства и проведению запрещенных досуговых форм вне его. Так, у татарской театральной традиции долгое время не было собственного пространства, ввиду религиозных запретов ислама она возникает довольно

⁸⁵ На стороне «русских» — мастеровых Суконной слободы, — мальчишкой дрался на льду озера Кабан и будущий великий певец Шаляпин. (Там же. С. 40-41). Впрочем, принципы разделения «сражающихся сторон» в городах были разными. Кроме «национального», довольно нередок был «территориальный» — по районам города, и даже принцип «социальный» — «городские против деревенских», как описано в воспоминаниях И.А. Слонова о кулачных боях в Коломне на льду Москвы-реки, или в воспоминаниях М. Горького о нижегородских воскресных кулачных боях — против нижегородцев дрались крестьяне окрестных деревень и рабочие ассенизационных обозов. См.: *Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы (Полвека назад)*. М., 1914. С. 23-25; *Горький М. В людях* // Собр. соч. в 16-ти т. Т. 9. М., 1979. С. 220.

⁸⁶ Одну из таких драк 1880-х гг., в которой он случайно участвовал, — между матросами и алафузовскими рабочими, не поделившими пространство одного заведения, — описал М. Горький. *Горький М. Мои университеты* // Собр. соч. в 16 тт. Т. 9. С. 373.

поздно. Однако интересно, что эти запреты не мешали татарам и даже татаркам посещать русские спектакли в русском театре в первой половине XIX в.⁸⁷ Одной из причин отсутствия открытой негативной реакции мусульманского духовенства на эти посещения (помимо того, что «нарушителями», как правило, были члены богатых, знатных и влиятельных татарских семейств, либо представители передовой интеллигенции) была пространственная удаленность «места нарушения» от традиционного повседневного и досугового пространства татарских слобод. Попытки же в начале XX в. создать *татарский* театр на своей повседневной территории и в пространстве своей собственной национальной культуры встречали бурное сопротивление как татарского духовенства, так и немалой части татарского общества — именно ввиду религиозных запретов ислама.

К началу XX в. под влиянием становления потребительского общества и предпринимательской инициативы в сфере досуга наблюдались тенденции гомогенизации и демократизации досугового пространства города, размывания границ между его частями. К примеру, к началу XX в. идет активная экспансия трактирных и иных развлекательных заведений в районы города, где прежде их было мало. Так, русские трактиры и пивные появляются в большом количестве и в татарских частях города. Русские трактиры посещались татарами и раньше. Еще Карл Фукс в 1844 г. отметил усилившееся «в течение последних 20 лет» «...сильное стремление их к русским трактирам, где познакомились они с европейской роскошью и пьянством». Однако раньше это «стремление» сдерживалось традицией и боязнью публичного осуждения мусульманским духовенством и обществом. Неодобряемое и в обычное время, посещение трактира в дни мусульманских праздников могло дорого обойтись «нарушителю». Фукс отмечал, что «во время Рамазана, т.е. поста, Татары днем не являются в трактир, но в сумерки идут туда толпами. Многие молодые люди посещали бы в это время трактиры и днем, если бы не боялись, по их самолюбию, подвергнуться насмешке от своей братьи»⁸⁸. По свидетельству Фукса, застигнутому в Рамазан в кабаке

⁸⁷ Об этом см.: Спутник по Казани. С. 444; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 8. Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. СПб., 1861. С. 230.

⁸⁸ Карл Фукс о Казани, Казанском крае. С. 147-148.

мулла назначал наказание — его мазали сажей и гоняли в таком виде по улице. Увеличение числа трактиров (в 1884 г. в Казани насчитывалось около трехсот питейных заведений, одно на 490 жителей или почти на 15 домов⁸⁹), вкуче с происходившим сближением моделей досугового времяпрепровождения горожан и ослабеванием средств контроля конфессиональных сообществ за поведением их членов, вело к тому, что посещение этих заведений стало вполне обыденным досуговым поведением татарских мужчин. В 1911 г. Г. Тукай отмечал: «люди, которые всего лет 10-15 назад приходили по вечерам домой, подсаживались к разостланной скатерти с кипящим самоваром, к детям, радующимся возвращению отца, брали обеими руками ломоть калача, разламывали его с молитвой на устах и, держа в руке блюдце с чаем, с треском откусывали сахар, — теперь эти люди в те же часы сидят в пивных, куда идти противно даже свиньям, и грызут заваливающие сухари. И по какой бы улочке ни шли они домой, всюду манит их зелено-желтая вывеска: Не иди туда, милый, вернись сюда, На каждой улице русские трактиры»⁹⁰.

Однако, одновременно с гомогенизацией досугового пространства города, наблюдалась и другая тенденция — специализация отдельных городских районов по тем или иным досуговым предложениям. Так, развитие инфраструктуры города, борьба за улучшение качества досуговой инфраструктуры теснили публичные дома (особенно низшего пошиба) с их насиженных мест на окраины. «Мокринские притоны» с их обитателями были потревожены в конце XIX в. строительством железной дороги, но на первых порах уцелели⁹¹. Зато бордели с т.н. «Дегтярки» (ул. Дегтярная, практически на границе 4-ой, «плебейской» части города и «аристократической» 1-ой) в начале XX в. были выселены вглубь 4-й части, на берег озера Кабан⁹². Наличие на окраинах форм развлечений, отсутствующих в

⁸⁹ Талантов В., Лукина М. Gran Premio за радение о трезвой Казани // Казань. 2005. № 7-8. С. 244.

⁹⁰ Тукай Г. Избранное. В 2-х тт. Т. 2. С. 141. Кстати, и сам Тукай признавался в письмах к друзьям-писателям в грехе пьянства и в посещении трактиров. (Там же. С. 242, 247).

⁹¹ См.: Казанский телеграф. 1893. 19 августа.

⁹² В начале 1960-х гг. об этом свидетельствовал в беседе с историком Б.Ф. Султанбековым бывший служащий одного из публичных домов в Песках.

центре, привлекали туда представителей «высших» и «средних» городских классов, жителей «аристократической» части Казани. Созерцание ледохода традиционно происходило на волжских пристанях в Адмиралтейской слободе, куда съезжался «весь город». В то же время, улучшавшееся материальное положение «низших классов», рост их культурных запросов и формирование новых общепринятых стандартов досуга стимулировали освоение ими досугового пространства городского центра, в котором в большинстве своем были сконцентрированы «очаги культурного досуга», и где по большей части развивались и самые демократичные новые формы досуга — скажем, просмотр кинофильмов в «электротئاتрах». Разумеется, ввиду этого «досуговые миграции» в различные части города отнюдь не прекращаются, а даже усиливаются.

Эти миграции породили целый ряд проблем. Одной из самых серьезных была проблема соответствующего поведения в досуговых пространствах. Она, впрочем, была не нова. Например, много беспокойства respectable горожанам — представителям дворянства, купечества — доставляли студенты, часть которых в первой половине XIX в. была вхожа в их досуговые пространства, ввиду дворянского происхождения, либо характера мероприятия, подразумевавшего свободный вход (например, маскарады в Дворянском собрании), либо ввиду известного либерализма по отношению к студенчеству хозяев домов, где давались балы и вечера. В известном романе П.Д. Бобрыкина о жизни казанского студенчества 1850-х гг. описана ситуация, когда после скандала на маскараде в Дворянском собрании, устроенном нетрезвыми студентами (они приставали к знатной даме, пытаясь снять с нее маску), с ними во время бала в одном казанском дворянском доме отказались танцевать барышни-дворянки, заявив, что не танцуют со студентами. Оскорбившиеся студенты демонстративно покинули бал, а на другой день вечером остановили четырехместный возок с отказавшими им «аристократками» и заставили их сделать с ними два тура польки по снегу⁹³.

По досуговому поведению казанские студенты были одной из самых мобильных групп населения: они легко и непринужденно пересекали границы досуговых пространств и нередко чувствовали

⁹³ Бобрыкин П.Д. В путь-дорогу. Т. 2. Кн. 3. С. 51-67.

себя «своими» как на дворянском балу, так и в самых низкопробных трактирах-«дешевках» и в публичных домах на Песках. Местные власти и полиция весьма снисходительно относились к «шалостям» студюозусов. Впрочем, эта «мягкость» не находила понимания у центральной власти. Так, в 1866 г., пеня губернатору на очередное попустительство студенческим «шалостям» в городском театре (освистали артистов, а при попытке вывести их из театра оказали сопротивление полиции), канцелярия Министерства внутренних дел настоятельно напоминала, что студенты являются «как и прочие жители города, дворянами, сыновьями купцов, мещан и прочих», а значит, должны вести себя соответственно званию, а наказывать их, как людей образованных, надо строже, чем других горожан⁹⁴.

В начале XX в. размывание границ досуговых пространств и усилившиеся «досуговые миграции» еще более обострили проблему коммуникации горожан. Теперь в одних и тех же пространствах сталкивались стандарты «нормального» досугового поведения представителей различных слоев населения. Так, 6 сентября 1911 г. Комиссия городской управы, заведовавшая городскими садами и парками, жаловалась в своем докладе Казанской городской думе, что, несмотря на развешанные во всех парках плакаты с просьбами соблюдать порядок, этот порядок постоянно нарушается, особенно в Андреевском садике в Адмиралтейской слободе и в Черноозерном саду в центре города. «Рабочие близнаходящегося завода Свешникова и другая публика позволяют себе не только ходить по газону, но даже лежать на нем и прочее», — сетовала Комиссия, отмечая, что то же самое происходит и в других городских садах и парках. Комиссия предлагала думе издать обязательное постановление, которое воспрещало бы горожанам рвать в городских садах и парках цветы, мять траву, выгуливать собак, ездить на велосипедах и т.д.⁹⁵

Конфликтные ситуации рождались не только из-за столкновения разных представлений о допустимом/недопустимом поведении, стандартов поведения в одних и тех же досуговых пространствах. «Конфликт пространств» наблюдался и в связи с изменением структуры городского досуга к концу XIX – началу XX вв. Новые формы

⁹⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 393. Л. 14-14об.

⁹⁵ НАРТ. Ф. 98. Оп. 5. Д. 281. Л. 269-270.

досуга не всегда одобрительно встречались большинством горожан ввиду принципиального неприятия нового, из-за боязни, из зависти к тем, кто мог себе позволить практиковать эти новые формы, и т.д. К тому же, они, как правило, занимали то пространство городского центра, в котором практиковались привычные формы досуга.

Скажем, появление в конце XIX в. в городском пространстве прогулочных и спортивных велосипедов вызывало порой самые негативные отклики горожан, находившие отражение и в газетных заметках, и в фельетонах. На улице они позиционировались как источники опасности для жизни и здоровья жителей: «...Задавили бабу, / Но не сильно, нет!/ Кто же это сделал? / Да велосипед!». Высказывались мнения и о негативном влиянии велосипедов и увлечения ими на качество досуга горожан, особенно молодежи. Автор стихотворного фельетона, укрывшийся под псевдонимов «Невидимка и К^о», озвучил это мнение таким образом:

«Гимназист уроки
Очень плохо знает,
Своего Тацита
Он под стол бросает.
Что ж тому причиной?
Знаете вы? Нет?
Ах, причина эта –
Он, велосипед!!
Юноша томится
Места не находит,
На часы все смотрит,
Дома тенью бродит...
Он влюблен? И рвется
На свиданье? Нет!
Он идет не с «нею»,
С ним — велосипед!»⁹⁶.

Важный момент в этом неприятии составляло нежелание видеть велосипед в привычном досуговом пространстве, в частности, в пространстве городских садов и парков. Когда городские власти после долгих дискуссий разрешили велосипедистам ездить только по периметру (!) городских садов, послышались возмущенные голоса, что велосипедистам вообще надо запретить ездить по дорожкам город-

⁹⁶ Злоба дня // Казанский телеграф. 1893. 31 октября. Примечательно, что само слово «велосипед» автор писал неизменно закавыченным.

ских садов и мешать отдыху прогуливающимся казанцев⁹⁷. В данном случае, любители традиционной формы досуга, пеших прогулок в городских садах, не желали делиться пространством с любителями новой формы досуга — прогулок на велосипедах. Так что стремление создать в Казани зимний и летний циклодромы в немалой степени было обусловлено и желанием образовать новое «групповое» пространство, предназначенное только для нужд практикующих эту новую форму досуга и «сочувствовавших» им.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода иерархичность и сегрегированность городского досугового пространства являлись его неотъемлемыми характеристиками. Нараставшие процессы гомогенизации и демократизации этого пространства протекали непросто и довольно противоречиво. Постепенное сближение моделей досугового времяпрепровождения различных городских слоев создавало условия для все более свободного и непринужденного пересечения границ досуговых пространств. Но, несмотря на размывание этих границ, они все же не перестали существовать, в немалой степени из-за того, что идея «своего» и «чужого» пространства была глубоко укоренена в ментальности горожанина. Иерархичность и сегрегированность городского досугового пространства привычно воспроизводилась горожанами даже в ситуации выхода за его пределы, например, в дачных поселках и других рекреационных зонах вокруг Казани. Так, в 1908 г. перекочевавшая на летние дачи на станции Васильево «чистая публика» создала досуговое клубное объединение — «Общество благоустройства дачной жизни»⁹⁸, предназначенное для весьма узкой категории дачников. Этот клуб тут же начал создание и соответствующих пространств (курзал для досуговых мероприятий, купальня и пр.). Иерархичность и сегрегированность городских досуговых пространств в немалой степени способствовали консервации множественности досуговых моделей, которые практиковались представителями разных городских слоев, несмотря на нарастающие тенденции сближения досуговых практик.

⁹⁷ Излюбленное место велосипедистов // Казанский телеграф. 1893. 29 августа.

⁹⁸ НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2979. Л. 9, 46.